

18+

МАТЕМАТИКА

АЛЕНА ВЕЩАЯ

БУКВАМИ

Алена Весная
Маленькими буквами.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50282818
ISBN 9785449804570*

Аннотация

Мне интересно наблюдать за людьми. При внимательном взгляде становятся заметны, казалось бы, незначительные детали, присущие только одному конкретному человеку. Из этих деталей, из этих мелочей и складываются скромные и тихие истории, написанные «маленькими буквами», которые, словно бусины, нанизаны на нить повествования этой книги. Истории человеческих судеб – неповторимые и уникальные, но в то же время так похожие на наши собственные. Алена Весная.

Содержание

Эго	5
Лена	7
Вероника	10
БЫВШИЙ	11
Небо	14
Аля	15
Привет	21
Валера	24
Белка	28
Шанс	33
Аня	35
Аквариум	37
Вика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маленькими буквами

Сборник рассказов

Алена Весная

Редактор Ксения Орлова

Дизайнер обложки Ольга Хирш

© Алена Весная, 2020

© Ольга Хирш, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0457-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эго

Когда они познакомились, Она не знала, что Он живёт не один.

Он жил с Эго.

То ли щенок, то ли взрослая собака. То ли подобрал где-то, то ли редкой породы. То ли воспитанный пёс, то ли нервный шизофреник. Но вроде бы кобель.

Она любила людей, хотя и к животным относилась с лаской и теплом. Гладила четвероногих между ушей, целовала в нос и смотрела в глаза, будто хотела понять: можно ли исчерпать их скорбь любовью.

Эго не полюбил Её сразу. Стал опрокидывать миску с едой, на прогулке тянуть что есть силы вперёд, рваться назад, прыгать на прохожих и есть всякую дрянь под кустами.

Ей все же хотелось иногда пообщаться с Ним... но Его Эго...

Когда Она хотела приструнить и призвать к ответственности, он подползал на передних лапах. Когда прощала и хотела накормить – убегал, и Она носилась за ним по всему району. Когда Она хотела положить в миску еды, рычал и был недоволен. Когда садилась на корточки и протягивала к нему руки, чтобы приласкать и обнять, думая, что это всё нелегкая судьба и любя можно все исправить, он скалил зубы, подходил к ней, валился, забирал любовь и потом кусал руки. Её

руки.

А Он?

А что Он?

Когда-то Он встретил Её.

Главную героиню своей жизни, ту, что искал. И ту, что превратил в декорации.

Он смотрел на это всё равнодушно и холодно. Иногда заглядывая к Маринке с третьего этажа – той, что сменила телевизор на новый. Надо было обновить и настроить.

А тем временем Эго прокусил руку. Её руку. Тонкую, белую, дающую руку.

Она прижала рану правой рукой и побежала за бинтом.

В аптеке работал Вовка. Он перебинтовал руку и сказал: «Не бережёте вы себя».

С перебинтованной рукой Она пошла назад. К Нему.

И тут Ей стало страшно. Так страшно! Что, если Эго снова Её укусит? Она может умереть и больше никогда не увидит Его.

Она сделала шаг назад. Потом ещё один.

Он Её не звал. Он не заметил. Взял Эго и пошёл к Маринке.

На третьем этаже зажётся свет. Заиграли блики от нового телевизора, и танец теней... Маринки, Его и Его Эго.

Лена

Лена снова открыла дверь на звонок, и снова там, за дверью, никого.

«Наверное, показалось», – снова подумала Лена. Это «снова» повторялось каждую неделю. И она снова слышала звонок, снова подходила к двери, снова её открывала. И там снова никого. Вообще, честно говоря, ей это уже стало нравиться. Стабильность, знаете, забавная штука, когда кругом американские горки. А тут по часам: снова звонок, и снова никого.

И она снова вставала, подходила, открывала и... улыбалась этому Никоому.

А вчера она открыла дверь, и на пороге был Он. Высокий мужчина, светлые волосы. Она вообще любит брюнетов, ну, имеет слабость. А тут светленький.

«Ну ладно», – подумала Лена и пригласила в дом. Она знала его всю жизнь, хотя звонить в её дверь он стал недавно. «Пусть это будет Андрей», – подумала Лена.

На том и порешили.

Сначала она с Андреем переехала в Саратов. Почему в Саратов? Лена не знала, просто к слову пришлось. Первая мысль, так сказать. Андрея видела только Лена, вот и пришлось махнуть куда-нибудь, хоть в Саратов, чтобы соседей не смущать.

Руки у Андрея крепкие, по дому помогал, страдал головными болями, а так... просто нормальный парень.

Саратов их не принял. Жители милого города не могли привыкнуть к девушке, обнимающей пустоту, и к перекошенному силуэту Лениной стройной фигуры. Это только Лена знала, что она положила ему голову на плечо или они в обнимку прогуливаются вечером по парку.

Ну да ладно. Ведь Лена не видела мир. И поэтому они уехали смотреть водопады. «Виктория» их заморозил, и там они пробыли дня три. Потом путешествовали по разным странам, работали в «Красном Кресте» за еду и билет до следующей остановки. Лена побрилась наголо, а Андрей, наоборот, оброс.

На причуды Лены никто не обращал внимания. Уже никто. У каждого есть свои странности, главное, найти своих людей... пристанище этих чудиков.

Они облазили горы, купались в песках пустынь и вообще много чего попробовали. А потом купили билет и поехали домой.

Ленина квартира пахла лавандой. А Лена и не знала. Привыкаешь. Привыкаешь к удивительному повседневному чуду своей жизни. Лена окунулась в подушку и уснула.

Просыпаться ей не хотелось. Не хотелось снова уезжать, оправдываться, шифроваться и скрывать своё счастье. Счастье – вот оно, обнимает каждую ночь. Но приходится брать своё счастье и уезжать. Уезжать, переезжать.

Лена вышла из дома в слезах и пижаме. Андрей бежал за ней. Она от него. Потом она остановилась и зашагала вперёд. В никуда. Когда-то к ней постучался Никто, и она открыла дверь. А теперь она пошла в Никуда. Взяв свою боль и своё счастье. Шла она дня три. Просто вперёд. Впереди показалось озеро. Волшебный глаз Земли. А вон кто-то уже сидит и ее ждёт. Станный мужчина: перекошенное тело и рука, обнимающая пустоту.

«Как на Андрея похож...» – подумала Лена и решила подойти поближе. «Это же его запах... Я всегда знала, что у Него, если Он и появится, кожа будет терпко пахнуть свободой...»

Лена на цыпочках подошла и нырнула под нависшую руку, обнимающую пустоту.

«Я тебя очень ждал. Меня зовут Максим».

Вероника

Вероника родила первого, второго. Третий оказался болен. А Вероника познала истину.

«Ну, либо муж хороший, либо с ребёнком проблемы», – говорили Умные.

Муж Вероники делал и то, и сё, и пятое, и десятое. И иногда брал руку Вероники, смотрел в глаза... устала?

На этом взгляде Вероника построила садик для третьего, открыла реабилитационный центр и школу. Министром решила не становиться, чтобы не заиграться.

«Вот же, баба ломит! Мужик, а не баба», – говорили Очень Умные.

Когда мужу ампутировали ногу, Вероника не знала, что делать. Срочно изобретать протез или на него заработать. Пока думала, начала сажать деревья. Потом аллеи. Потом думать стало некогда. «По сотой аллее мы снова начнём бегать вдвоём», – решила она. И углубилась в посадки.

Наверное, Очень Умные тоже что-то говорили. Но слушать их было некогда.

Ведь третий был настолько «болен», что получил Нобелевку. А это, знаете, было впервые в жизни очень волнительно.

БЫВШИЙ

Ну, вообще, написать или позвонить?

Ну))) Везде есть плюсы и минусы.

Написать. В соцсети, конечно.

Для этого нужно почистить всю страницу.

Какая я?

Томная? Нежная? Страдающая? Или «у меня без тебя все зашибись»...

А это напруг. У меня вообще вся страница посвящена рождению второго и рецептам бездрожжевого.

Теста.

Ленка сказала, что у неё есть фотограф.

Надо к нему нагрять. Чтобы поработал.

С чем?

С фотошопом, конечно.

У меня вон сколько накопилось по бокам. Да и шею бы подтянуть. Ладно, давно хотела.

А что сейчас носят? Да как в «наши времена». Носить, чтобы хотелось снять.

Лосины? Легинсы? ФЮлЭт?

Да, я ещё ничего.

Ну что там. «Инстаграм»?

И так и напишу: «ЗвЭзда».

Сейчас, только... накормлю кота.

Два месяца спустя.

– Привет.

А это в мои планы не входило.

– Привет, это я, Алик. Может, помнишь? Мы, это, учились вместе.

Помню? Помню ли я?!

Да, это я напилась тогда, когда жить завтра не хотелось, и фантазировала о прЭкрасном будущем... Даже думала на весы встать. Но не дошла, дошла до холодильника.

– Ты это... печёшь...

Господи, он всё видит...

Боюсь открывать, что он там видит. Как же всё пошло. Пошлые пироги, пошлые какие-то радости. А двадцать лет назад... я была другой... планы были...

Были.

– Смотрю на тебя, а ты все такая же. Наташка.

Интересно, я ему отвечу?

Но что? Что ему ответить?

Да. От меня осталось только имя. Наташа.

Я была другой. Веселой, беззаботной.

А сейчас. Заботы.

Заботы. Кот. Надо было его кастрировать. Так жалко. Живое.

Моя жизнь. Моя.

Наверное, я остановилась впервые сейчас за двадцать лет. Так, чтобы подумать, почувствовать что-то помимо прихотей других.

– Знаешь, я почему-то тебе пишу, а ты читаешь, а я пишу, а ты читатель. И знаешь, так здорово, что ты есть, Наташка. Где-то. Моя Наташка.

Небо

Мне кажется, что бывают дни, когда нужно выжить. Выжить минуту, потом ещё одну. Потом ещё. На четвёртой минуте чувствуешь, что ты всё ещё живой. Удивляешься этому, хотя не испытываешь надежды прожить пятую. Философия, умности, красноречие – всё за бортом.

А бывает, что кто-то случайно подхватывает твою уже невменяемую лодку и легонько буксирует шестую минуту. Седьмую. Хотя счёт идёт на секунды.

А иногда ты сам – тот буксир, который сам же сбился с курса и наткнулся на чью-то блуждающую лодку. Но ты знаешь, где берег... и легонько помогаешь неизвестной потерянной лодке причалить, чтобы ночной ветер не унёс её в океан. И ты вовсе не умный или что-то знаешь; ты просто знаешь, где берег. Хоть какой-то, который поможет лодке не погибнуть в омуте темноты.

А утро настаёт. И отчаявшаяся лодка тоже с ранними чайками открывает глаза и видит, что вокруг суета рыбаков, множество таких же лодок, и понимает, что ещё жива и даже цела.

И всё, что нужно... это найти свой причал.

Аля

«Ты так растеряешь всех друзей...»

Аля точно знала, что друзей терять нельзя, и когда оказалась на операционном столе и потом проснулась, она начала напрягаться, помнит ли все мудрые опоры её жизни. В палату её перевели скоро, операция была незначительная и прошла без осложнений. И теперь Аля была предоставлена сама себе неделю. Кровать, окно и две соседки.

Одна из них была шумная восточная женщина с тёмными волосами и полнотой, разлитой по кровати.

А вторая – тонкокостная белокожая девушка-лань с большими, чувственными, понимающими глазами и всегда прибранными в пучок волосами. «Наверное, балерина», – подумала Аля.

Первый день после операции она не заметила. Знаете, всё как в тумане. Тут хотела написать, что лица, лица. Но лицо особо не было, пару раз заходили доктора проверить – жива ли. Жива.

А второй день был обычным. Она открыла глаза. Наверное, это было единственным, чему её не научили, «как надо делать правильно, чтобы...».

Одна соседка тоже проснулась. Анфиса, ну, та, что всё время чего-то хочет и ведёт себя... неприлично. Аля весь день смотрела на этот жизнедышащий клубок эмоций, раз-

махивающий руками во все стороны. Анфиса приехала в больницу одновременно с Алей... только у Али на тумбочке по-королевски красовался один апельсин на белой салфетке, а Анфиса была вся в тюфяках, пакетах, халатах и (!!!) запахах еды. Еда была везде, даже уже в желудке у Али. Аля пыталась было возразить, мол, гастрит и всё такое. Но такие слова Анфиса не слышала, поэтому скормила ей две тарелки чего-то, про что Аля даже не читала, но было вкусно. Аля не знала, как надо себя вести, чтобы было... прилично в подобной ситуации. Сказать спасибо? Дать свой апельсин? Третьего варианта не было.

Она сидела с вытаращенными глазами, свесив ноги, и ждала привычную боль в желудке. Но боль не приходила, и глаза вытаращивались ещё больше, но уже от удивления.

– Простите, а что я сейчас съела?

Дальше было много букв, расставленных в кружевном порядке. Анфиса, увидев, что кулинария – не конёк Али, с удовольствием рассказала всё! Начиная с куркумы, заканчивая сватами и братьями всех времён и народов. На третьем предложении Але уже казалось, что в желудке у неё химзавод, и она уже ждала не боли, а смерти под искрящийся рассказ Анфисы.

День третий. Але не терпелось уже проснуться. Наверное, впервые в жизни ей было интересно. Интересно повернуть голову и посмотреть на соседнюю койку, где была Анфиса. Анфисы не было, она была на процедурах, а вот белокожая

уже стояла, статно выпрямив спину и делая ножкой то вправо, то влево. Она тренировалась так до самой выписки, используя спинку кровати в качестве станка. У неё скоро премьера и гастроли, а тут такое дело... больница... межпозвоночная грыжа...

Иногда она прерывалась и брала телефон. Отвечала на письма, порой нежно улыбаясь глазами. На столике в стакане стояли свежие белые ландыши... и телефон... на беззвучном режиме, но с огоньком, постоянно напоминающим о переполненной памяти переписок...

Алин телефон молчал. Не звонил, не вибрировал и даже не моргал белой лампочкой. Кто она? Друзья-родители? Это неважно, можно быть одиноким, имея все возможности, и неодиноким, когда обрезали крылья. Вон, белокожая... частый гость больниц после перегрузок. А утром па свои делает...

А ведь неприлично... каждому действию своё время и место... Да, как сорняк – растение, которое не на своём месте. Это Аля с детства запомнила...

Аля – как её одинокий апельсин, такой яркий, сочный... а ведь есть его совсем не хочется. Кто ел больничные апельсины? Ну вот.

Тем временем к Анфисе началось паломничество. Бесконечный поток родственников, которые съехались со всех аулов с детьми, стариками, беременными. Приходили с дарами, тряпками, историями, смехом и заботой. Белокожей

кровать не нужна, она все равно ногами махала стоя и много места не занимала. Она профессиональным жестом предложила свою кровать в качестве партера, и через час там уже лежали бабуля и груднички, которые «были только что с поезда»: приехали навестить всеми любимую Анфису.

Невинным белым островком оставалась только кровать Али. Она сидела на белом одеяле, обняв поджатые ноги, как на плоту. Вокруг бурлит океан жизни, а она одна...

«Неприлично приглашать чужого на свою кровать...»

Аля машинально выпрямляет ноги, спускает, чувствуя холодный пол, наклоняется к Анфисе... «мне бы выпить...».

– Успеется... – сказала Анфиса и обняла её – сначала одним платком, белым, потом другим, красным, а потом золотым. Золото на Але приглянулось Анфисе больше всего, и она взяла её за плечи, посмотрела в глаза, встряхнула хорошенько. – Ну?!

Через час Аля сидела на подоконнике. Племянница Анфисы заплетала её волосы, а на кровати Али был накрыт стол.

Врачи? Да, это была больница, и это было воскресенье. И это была семья.

А на Алиной кровати впервые сидел мужчина. Если честно, даже два. Жаль, что эту великую новость Але некому было сообщить. И поэтому она, как в детстве, шаловливо болтала ногой и глупо сама себе улыбалась.

Вечером, когда все уже начали расходиться, вошёл муж-

чина. Средних лет, коренастый, невысокий. С пепельными волосами и суровым видом. Он зашёл и мимолетно кивнул жене. И только она знала, что это не кивок, а поклон. Поклон Ей... она величественно подняла подбородок и приняла его поклон...

Он поцеловал её руку, посмотрел в глаза, и за две секунды их молчаливого разговора они сказали друг другу всё и даже больше.

Ведь всё – это она...

Ведь всё – это он... Он сделал всю незримую работу для неё, для родни, для мира...

Он взял под руку бабушку и повёл её к выходу. Через 10 минут ушли все...

В понедельник белокожую выписывали. Анфиса подошла к ней и протянула свою книгу, чтобы та оставила автограф. Аля уже устала удивляться – ну как Анфиса успевала следить ещё и за балетом?!

В этот день Анфису навещали только вечером и в основном только те кавалеры, которые облюбовали накануне Алину кровать. Аля решила быть крайне неприличной и лишиться невинности апельсин. Она впиалась ногтями в кожицу, сок прыснул во все стороны, глаза зажмурились, губы заулыбались, а дольки разлетелись по всем радостным ладошкам в белой комнате.

А всего-то нужно – что-то дать, чтобы тёплые руки людей смотрели в твою сторону.

А утром впервые задрожал Алин телефон, который одиноко тусовался на тумбочке. Сначала один раз, а потом и второй.

Аля взяла его и улыбнулась, как тогда белокожая, – глазами. Но та профессионал, а Аля заулыбалась и глазами, и губами, мгновенно сорвалась с кровати и показала телефон Анфисе.

Он написал?

Нет.

Написали оба!

Просто – доброе утро и пожелание хорошего дня! Она посмотрела в окно. Действительно, утро доброе. Что ни есть доброе!

Потянулась, посмотрела на свои ноги, выпрямив красивые длинные пальцы. Размышляя: а какой самый неприличный цвет для ногтей на ножках ей подойдёт.

Привет

– Привет.

– Привет.

Конечно, я сразу его узнала. Даже покраснела, когда услышала его голос. Сколько прошло времени? Я уже и не помню. Наверное, мне было тогда...

Хотя я и не помню... Хотя это и неважно...

Есть люди, которые проходят по касательной, а есть он.

Кто он мне?

Мужчина моей жизни... первая любовь... (К слову, не первая, конечно...)

Мужчина, с которым... С которым что?

Я не знаю. Наверное, он для меня именно то, что я для него. А для других – зачем искать объяснения?

Сколько прошло времени... Интересно, что из всего он знал? Женитьба? Дети? А если дети, то сколько? Бессонные ночи... Простите, это относится к теме детей.

Любила ли я его? Не знаю. Сейчас я скажу, что ничего не знаю. Наконец, имею право не знать. Ни про себя, ни про других.

Почему расстались? Ну... а разве мы были вместе?

Он? А что он. Да, он. Вроде не она. Любая последовательность букв будет бесцеремонна. Знаете, это когда зубы чистим, споласкиваем и... выплёвываем. Так вот, в тот момент, когда мы выплёвываем в присутствии другого, делаем это особо решительно и быстро. Типа: «А что тут такого? Да, зубы, да, чистим, и да, чёрт возьми, споласкиваем».

Что он?

А что он? Если вам известно больше, чем мне, то вы и скажите. А если ждёте моей реакции на... Так на что именно?

Моя реакция давно выдрессирована грустью. Смотрю на вас – и грустно мне.

Знаете, есть читатели-мечтатели, а есть проживатели. Так вот, проживателей меньше, мрут они, наверное, или просто живут в другой плоскости. Скучно им с мечтателями.

Я тогда мыла посуду. Ну, когда случился тот самый «привет». И тарелка моя даже не разбилась. И моё «привет» было именно приветом.

Лёгким таким.

Привет.

Нет, нежнее, не как вы сейчас прочитали.

Сколько раз мы проносимся мимо. Мимо особенного.

Можно попросить вас прочитать «привет» не по касательной? А с точкой после слова? Пожалуйста.

Привет.

Совсем другой смысл. Правда? Не нужно много слов для объяснения.

И теперь совсем не надо писать продолжение. Когда именно вы... а не я, не он, услышали и почувствовали то самое «привет».

Теперь оно у вас. Не у меня, не у мифического Него, а у вас. Есть внутреннее «привет» – вас и вашей души. В конце концов, мы читаем иногда, чтобы тоже прожить.

Когда кто-то кому-то позвонил и просто: «Привет».

Или самому... быть первым в приветствии.

Валера

Очнулся после операции сразу, проверил мир и решил уйти снова.

Он сам не знал, чего искал, но отправился искать. Если дана возможность побыть в коме – он с радостью согласился.

Забавно. Тут даже весело. Пойти на свет? Или удивиться чему-нибудь новому?

На свет – всегда успеется.

Он зашёл в первую комнату. Увидел нерождённых детей.

Вышел.

Во вторую заходить не рискнул.

К третьей немного пришёл в себя. Зашёл. Табачный дым и много людей. «Я не понял, на хрена я тут, если у меня всё это и Там».

Хм, там – это где?

В следующей комнате были глаза. Отчим? Отец?

А тебе-то что я сделал?

Ничего.

Потом снова были глаза. Много глаз.

Комната долгов.

О! Так я дома. Можно и не возвращаться.

Валера привычно нырнул туда.

Липко.

Всем от меня что-то надо.

Я не могу.

Боже.

Я проваливаюсь в несделанные обещания, чьи-то надежды, которые я щедро раздавал, кривые зеркала, скручивающие мою шею.

Я не могу выбраться.

Свет.

Господи, ну где ты? Ну, ты же мне его показывала.

Он плюхнулся в другую комнату. О, тут его ждали. Скользящие руки под его рубашкой. Приятно. Только запах не тот. Не её. А причём тут она, если тут так приятно? Продолжайте. Много рук. Только шею не трогайте. И голову. И живот. И от ног подальше.

Свет.

Где свет?

Вон там.

Быстро.

Свет отодвигался как мог.

Ну, если ты настаиваешь, дорогой товарищ, и сам сюда напросился... Я тебя не звал, надеялся.

«Ну, иди ко мне», – поманил его свет.

Валера был уже готов слиться со светом. Но его спина тянула назад. Ещё мгновение и...

А свет преисподней обжигает.

Я всю жизнь шёл сюда? Почему ты меня не остановила? Ну тут-то хотя бы помоги.

Он был один с этим жаром под ногами, пока что-то тёплое не обняло его. Тёплое. Как он мог чувствовать тёплое, когда жар тут, под ногами. Он поддался и сделал шаг назад.

А-а-а-а, вот Она.

Нет, лучше я буду смотреть во множество глаз, чем в её.

И я сам про себя всё знаю... Нет, не знаю... Но догадываюсь.

Что ж такое? Где он? Где свет?!

А! Впереди.

Или позади.

Я всё это время шёл в ад?

Валера открыл глаза. Потолок. Белый потолок над ним.

Холодно?

Почему Там жар, а тут Холод? Спустив ноги с кровати, он пошёл искать её глаза.

...

На столике стояла банка. С морсом. Клюквенным.

Это всё, что осталось от неё.

Единственная улика. И то красного цвета.

Интересно, какая она? И ещё более интересно – зачем её искать? Уже после второго вопроса совсем неинтересно... её искать.

И поэтому Валера был вполне себе счастлив, что вернулся из небытия. Вокруг него суетились белые халаты с восклицаниями: «Чудо! Чудо!».

«Хм... – подумал Валера. – Я – Чудо».

Хорошо, что вернулся, тут меня, оказывается, ждали, да ещё как. Только мне немного прохладно.

Через месяц он вышел из комнаты. Из этой комнаты, в коридор. Направо и налево были палаты. С больными.

А посередине коридора был свет. Лестница. От воспоминаний его передёрнуло, и он решил спуститься на лифте. Коробка, несущая вниз.

Лейтенант дал прикурить.

Хм, а мне подчиняется огонь. А всё, что я видел, – это сон.

– Тут к тебе приходили... Ты... это...

– Что «это»?

– Сам знаешь.

Ну ещё бы. Сейчас каждая вошь будет меня жизни учить.

Приходили... Как пришли, так и ушли.

Интересно, а почему она назвала меня Валерой? У меня же имя есть. Да имя ещё такое подобрала. Она вообще в курсе, кто такие Валеры?

Выплюнув сигарету, он выплюнул всё, и этого лейтенанта тоже.

Белка

Наверное, я накурился... нет, обкурился... нет, наверное,
и то и другое.

Я не знаю.

Но глаза открывать страшно.

Но, может, именно сегодня она будет рядом.

Я рискнул снова.

Открыть глаза.

Белая простыня, белый потолок, белая дорога передо
мною. И ни одного маяка.

Всё супер. Да-да, у меня всё супер. И я вовсе не напоми-
наю себе, а просто – всё супер.

Мне звонят любимые люди, я вижу любимые лица, я даже
улыбаюсь и смеюсь.

Просто иногда я курю... обкуриваюсь, пью... напиваюсь,
иду, еду, раскрываю руки и то, что между ними, такое даю-
щее смысл и ритм моей жизни.

И тогда приходит она.

Мне сначала нравилось, что она приходит.

Прикольно. Подмигивает мне озорными глазами и болта-
ет всякие глупости.

Нет. Мне это не нравится. Мне не нравится то, что мне
это, чёрт возьми, очень нравится.

Но на прошлой неделе она не пришла.

И вообще мне не нравится, что я думаю об этом и воспринимаю как предательство. «Она не пришла...» Подумаешь! Придёт другая, да прибежит, да прибегут.

Блин, она придёт ещё?

Если бы я знал, что она хотя бы ещё раз придёт, то...

«То» что? Вот что?

Так, отстань от меня.

Это я сам себе?

Она не пришла.

Водка и потом коньяк? Или сначала коньяк?

Покурить?

Явилась...

– И где?..

– Молиться ездила.

– И как?

– Не доехала. Затерялась.

– Можно с тобой?

Наутро я, не открывая глаз, поехал. Она сидела рядом и что-то чирикала.

Даже не помню, какой она была. Светлой, наверное. Я не про волосы.

У храма я начал трезветь. Её облик сначала стал мутным, а потом и вовсе исчез.

«Она уже в храме», – подумал я.

Я зашёл. На меня смотрели сотни глаз из окладов на стенах. Я так и не понял, зачем они так с собой. Приковали са-

ми себя, чтобы смотреть. На нас. На меня.

Я хотя бы ещё могу что-то сделать...

Но что?

Я обошёл ближайшие храмы. Может, она перебегает из одного в другой.

...

Она приходила. Но я больше её не спрашивал. Не спрашивал, не просил. Не делал того, за что бы потом себя ругал, что потратил мгновения не на то.

Я просто улыбался.

Бегал с ней по лужам, рвал цветы, умывался росой и просто делал то, что делают все. Счастливые.

Она скуривала мои сигареты, колыхалась от ветра, смотрела в мои глаза и дышала в мою шею.

А ещё она шла прямо. Прямо навстречу ветру. Её волосы развевались, а улыбка согревала мир. С этим ветром она и уходила. Исчезала.

Сигареты?

Она есть или её нет?

Мне было уже неважно.

Она есть. И пусть только в моей голове. И пусть всего, что было, нет.

Но мне просто хотелось стать лучше. Лучше. Ради неё. Которой нет. Но она есть.

...

За три года я успел жениться, развестись, чуть было не же-

ниться снова. Что это я? И я ли это?

Она приходила реже.

С волнением смотрела на меня.

Нет. Она не осуждала.

Но я просыпался со слезою на своей ладони.

Она плакала. Когда я не видел.

Ещё недавно я хотел стать лучше. С ней было всё понятно, просто. Казалось, что мир и всё – на ладони. На её маленькой ладошке. Она рассказывала про всякие неважности, перелазила через заборы, ворковала с прохожими, а когда уставала, снимала обувь и ложилась в траву. А ведь всего-навсего нужно посмотреть на небо. Она всегда это повторяла.

Интересно, какое оно... её небо.

Я пробовал жить, правда, пробовал.

Или нет?

Она не пришла.

И потом тоже.

Пробовал. Но я понял, что всё. Она не придёт.

И она не пришла...

Накуриваться и напиваться было бесполезно. Я уже успел изучить её. Она не придёт. Она приходила улыбаться, а не плакать. Она приносила жизнь, а не смотреть на умирающих.

Я вышел на улицу. Лёг на землю. И посмотрел на небо. Огромное, как её глаза. Она или оно – со мной.

Что-то странное было со спиной. Неудобное и холодное

лежало подо мной. Снег. Оказывается, была зима. И я счастлив. Я чувствую. Холод.

Я поднялся. И улыбнулся. Ей бы понравилось.

Сел в машину. И поехал. Как она. Прямо.

Мне вдруг стало казаться, что все дороги ведут к ней. Если идти, бежать, ехать или просто ползти. Двигаться.

Я взлетел по ступенькам. Туда, где со стен смотрит много глаз.

Дверь.

Её запах.

Нашёл.

Шанс

Впереди три самолета. А я устала. Устала смотреть в зеркала людей. Голова болит... Вина? Пожалуй. Да, сухого.

Я только что дописала историю. Как всегда, короткую. О чём? О любви, конечно.

Сначала мне было жалко её. А потом? А потом перестало, мало кому даётся шанс начать жить. Ей дан. Или был дан. Не знаю, воспользуется ли она им... Не знаю. Задолжала она времени. Бог её любит, но она столько прошла... что ей осталось только воскреснуть. Да, снова. Да, но это в последний раз. Дальше она сможет начать дышать. Её перестанут душить. Это как будто ты лезешь по отвесной скале в тумане и холоде облаков и не знаешь, сколько ещё... до солнца. И уже хочется сдаться, заплакать, начать бить эту скалу, согласиться жить только в редких проблесках светила. Да... последнее испытание всегда самое жесткое. Компромисс...

Компромисс – это такое вот соглашательство с ноткой печали в глазах...

А она... терпеть не могу слово «заслужила»... она сделала всё, что было в человеческих и нечеловеческих силах, чтобы дышать. И встретиться с солнцем.

Свет смывает печаль с её глаз, её лица, губ.

Она остановится. Отключит телефон. Тут будет много изменений, букв не хватит, вернее, всего того, что не её. Да

и не было её никогда.

Я снова говорю загадками?

Вовсе нет.

Вовсе нет.

Только бы не компромисс.

Я вижу её тонкую худую руку, в острый камень. И всего нужен один рывок. Один рывок, один.

— — — — —

А я теперь летаю с маленьким чемоданом. Ну, и где твоё вино? Я так устала.

Аня

Аня была отличницей и даже пела в хоре. Хотела стать солисткой, но стала вожатой. Пионер. Пионервожатой.

Хотела изучать языки, но стала юристом. Потом она хотела хоть что-то хотеть, но стала мамой, потом ещё раз. А потом она перестала оборачиваться, да и вперёд не особо хотелось смотреть.

Мужчины. А, простите, причём тут мужчины?

Ах да, мужчины. Ну есть. Но ни один из них не похож на того, с кем она пела. Пела в хоре.

Его звали Серёжей. Банально. Хотя, какое имя не банально? Андрей? Ну, наверное. Как говорится, у каждого в жизни был свой Андрей.

Он был на год младше, белобрысый такой, смешной. Иногда со школьных фото подмигивал ей: «Эй, улыбайся, когда поёшь, тебе так идёт».

Наверное, только вспомнив эту глупость, она улыбалась с искоркой в глазах... Я ещё ничего... могла бы ещё...

Могла бы ещё что?

Петь?

Абсурд.

Потом она представила линейку своей жизни... деления... 10 лет... 20...

Серые деления... Помните наши деревянные линейки?

А вон деления всё дальше и дальше. И? Все они ровные, правильные, равномерные и симметричные.

Тошнит? Ага, меня тоже.

Интересно, я в своём поезде еду? Через два года мне 50.

Будут стол и тосты.

Господи, неужели я родилась, чтобы умереть?

...А успела ли я родиться?

Всё, звоню в первую музыкальную школу. Все будут закрывать уши, а я буду петь. Я буду петь, кричать, орать! Слышите? Буду! Ведь люди как-то так рождаются.

Холодная серая улица, дверь музыкальной студии, трепетные звуки фортепиано, голоса живых... людей... всего лишь открыть... открыть эту долбаную дверь.

Аня с рёвом выламывает своим телом деревянную заслонку. Боже... эти знакомые руки... знакомые родные пальцы ласкают чёрно-белую зебру клавиш. Полоса белая. Серёжа.

Аквариум

Он мне сегодня позвонил.

Я не взяла трубку...

Почему?

Потому что у меня протёк аквариум, дети утром отказались завтракать, в машине замигали какие-то новые лампочки, у подруги сдали нервы и нужно ещё заплатить за квартиру... А мне так хотелось помаду...

Он мне всегда звонил, потому что у меня одной было всё нормально. Не всё в порядке, но всё нормально...

...

Я, наверное, никогда больше не возьму трубку...

Почему?

Потому что у меня протёк аквариум, дети отказались утром завтракать...

Вика

«Утопая в вечности, вечер бесконечен».

Так думала Вика, провожая мужа на работу. Так думали и мама Вики, и бабушка. Думали, что он вернётся. Но дед с фронта не вернулся. Не вернулся и отец. Маму завали Наташей, бабушку Валею. И поэтому Вику называли Викой. В надежде на победу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.